

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

***Храм Христа Спасителя – XXI век:
перезагрузка веры***

Либретто для мюзикла в современных ритмах

Действующие лица:

Ангел Храма Христа Спасителя.

Человек в кепке.

Окружение Человека в кепке.

Чёрный человек и его свита.

Сборщики денег, среди которых:

- *Девушка в белой косынке;*
- *Женщина в тёмных одеждах;*
- *Старик.*

Прохожие, среди которых:

- *Сутулый чиновник.*
- *Пожилая москвичка с сумками.*
- *Воин-афганец.*

Пассажиры троллейбуса.

Строительные рабочие разных национальностей:

- *Украинец;*
- *Грузин;*
- *Белорус;*
- *Узбек.*

Чёрт.

Двое юношей в белых одеждах.

На заднике сцены — изображение бассейна «Москва» с купающимися в нём москвичами. Над бассейном — в виде тонких контурных линий — проступает прозрачный силуэт-призрак Храма Христа Спасителя (ХХС).

Над сценой показывается опускающийся из-под потолка, покачивающийся на качелях АНГЕЛ с белыми крыльями за спиной.

АНГЕЛ, с тоской в голосе:

Я — Ангел Храма Христа Спасителя,
здесь мой удел до скончанья лет.
Мне пост покинуть мой непростительно,
пусть даже Храма давно уж нет.

Моя судьба — быть на веки вечные
приписанным к взорванному алтарю.
Смотрю в тоске на дома заречные
и, как в горячке, огнём горю.

Встаёт рассвет, как икона Знамени,
в нём — солнца диск, точно в нимбе — лик.
Святому месту не быть не занятому,
прогонят Бога — придёт двойник.

Вот потому шесть десятков лет уже
я здесь кружу, точно «Ми-шестой».
Я ангел, но — мне не надо ретуши,
я выстрелю прежде, чем крикну: «Стой!»

Я разгромил бы полки бесовские,
не дав тут царствовать сатане.
Но вместо этого здесь бессовестно

бассейн открыли на горе мне.

Ну как мне — вместо молящих и кающихся —
сквозь толщу пара и всплески брызг
смотреть на голые ноги купающихся
и слушать их непристойный визг?

Для ангела нет тяжелее участи,
чем столько лет висеть в пустоте,
бессильно глядя на то, как мучится
Господь, оставленный на кресте!

Хоть Он в истории человечества
уже две тысячи лет, как воскрес,
но мы-то знаем, что в недрах вечности —
Он снова и снова идёт на крест.

Легко ль Ему выносить мучения,
Себя ввергая в страданий тьму?
Коль что и может дать облегчение —
так это наша молитва Ему.

Но где молиться, когда все храмы
закрыты, взорваны или в них —
кино бесстыдное крутят хамы,
смущая взрослых и молодых?

Чума экранная глушит зрителя,
меж тьмой и светом стирая грань.
А вместо Храма Христа Спасителя —
зияет дьявольская лохань!

И я над нею завис в столетии
с рыданьем, рвущимся из груди:
«Ну, кто же, кто, стол Москвы наследуя,
в ней храм Спасителя возродит?..»

**Качели, медленно раскачиваясь, поднимаются вверх и исчезают за занавесом,
а возле бассейна появляется известный всей Москве ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ. Он
печально смотрит на бассейн с купающимися в нём людьми, на мерцающий в
воздухе профиль Храма Христа Спасителя, на московские пейзажи за рекой.**

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ, в раздумчивости:

... Уж шесть десятилетий, будто камушки,
скатились в вечность с той поры, когда,
чтобы «задрать подол России-матушки»,
команду взрыва Каганович дал.

Но и сегодня гул тройного грохота
мне разрывает душу по ночам.
Бассейн зияет, как дыра среди города...
Я возвращу святыню москвичам!

У всех народов есть такое прошлое,
когда они, на зов мечты спеша,
шли напролом и разносили в крошево
мир, где жила Отчества душа.

Так и Россия, поворот невиданный
к социализму резко совершив,
вчерашний быт с вчерашними обидами
сметала вон, бывшее сокрушив.

Народ впервые принял сан строителя
своей судьбы, эпохи и страны.
Ну что ему — какой-то Храм Спасителя?
Ему отныне храмы не нужны!

Ему нужней — дома, заводы, фабрики,
полёты — ввысь, метро и шахты — вниз.
И, как кафтаны, надевая фартуки,
спешили люди строить коммунизм.

Сто котлованов под заводы вырыли,
осуществили тысячи программ!..
...А у Москвы — как будто сердце вырвали,
взорвав бездумно самый главный храм.

Я не ищу сейчас для плахи голову,
чтоб, сняв её, про все грехи забыть.
Я вернуть хочу родному городу
то, без чего ему собой — не быть.

Народ ли, город, человек, Отечество —
у всех есть стержень (или же — душа.)
Иначе всякой нежитью и нечистью
всегда обобран будешь до гроша.

Иначе, как бы ты ни хорохорился,
ни в чём опору в жизни не найдёшь.
И хоть умри от гонора и гордости,
а что б ни делал, всё одно и то ж
в итоге выйдет — крах и невезение
да в сорняках и травах огород...

Лишь в Боге нам — и помощь, и спасение.

Лишь с Богом мы — не мусор, а народ.

И кто бы мне ни делал возражения,
считаю самой важной из программ
я лишь программу Храма возрождения
Христа Спасителя, поскольку этот Храм —

душа Москвы. Ну, а душа — что знамя,
её утрата — гибель для полка.

Так что — вперёд! Коль наша вера — с нами,
то встанет Храм в столице на века.

Пускай ведёт нас Господа рука!..

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ уходит, и в углу сцены появляется ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК в окружении лиц «криминальной принадлежности». Осознавая свою власть над ними, ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК даёт им инструктаж:

...Итак, приблизилось наше время,
лови удачу, коль ты не лох.

В Москве народ потянулся к вере —
а знать, и нам помогает Бог.

Наймём скорее толпу народа
(акцент — на бабах и стариках),
пускай в подземных стоят переходах,
держа копилки в худых руках.

Пускай стоят, как загробные тени,
на совесть давят и крестят лоб.

Пускай со всех собирают деньги

в любой валюте — побольше чтоб.

На грудь повесим им всем плакаты —
на Храм Христа, мол, ведётся сбор.
Пускай бедны вы, пускай богаты,
не дать на Церковь — большой позор!

Пускай, как просо, червонцы косят
(иль что там нынче крестьяне жнут?)
и каждый вечер пусть вам приносят
и до копеечки всё сдают.

Что делать дальше — решим мы сами,
прикупим акции и т.д.
Договоримся и с небесами,
сперва уладим всё — с МВД!

Сегодня время — для сообразительных,
и «бабки» рубятся почти на всё.
На этом Храме Христа Спасителя
мы миллионы за так возьмём!

Миллион, миллион, миллион — я так рад!
А за ним, а за ним, а за ним — миллиард!
А потом, а потом, а потом — триллион!
Я с такими деньгами плевал на любой Закон!..

Под музыку песни «Миллион, миллион, миллион алых роз» танцуют в счастливом экстазе какую-то смесь польки, менуэта и гопака, и так, танцуя, удаляются со сцены. После их ухода с другой стороны сцены появляется толпа сборщиков денег с шестами в руках, на которых прикреплены плакаты с надписью:

«На возрождение Храм Христа Спасителя», а также жестяными банками и коробками с прорезью для денег и надписью: «На ХХС».

СТАРИК, опираясь на шест с плакатом:

Есть Закон искупления кармы,
он нам дан — исправлять, не судить.
Коль отец мой — взрывал прежде храмы,
значит, мне суждено — возводить.

Никого не хочу я мишенью
выбирать для критических стрел.
Все в ответе мы за разрушенье —
кто взрывал и кто просто смотрел.

Даже тот, кто родился позднее,
виноват перед Богом за грех
богоборческой злобной идеи,
что он сердцем своим не отверг.

Чтоб не гнул меня груз преступленья
за родителем взорванный храм,
я хочу нынче труд искупленья
положить к Иисуса ногам.

Лишь тогда получу я свободу
от пригнувшей мне душу вины,
когда взмоет крестом к небосводу
главный Храм возрождённой страны!..

**ЖЕНЩИНА В ТЁМНЫХ ОДЕЖДАХ,
похожая на монашку:**

Я жизнь прожила и о Боге не знала,
порхала, как глупая пташка в овсе.
Дошла до того, что спала на вокзалах,
пила, что попало, не ела совсем.

Не помня ни школу, ни детские сказки,
я стала — одетый в тряпьё истукан,
себя отдавая на грубые ласки
бомжам в подворотне за водки стакан.

Вот так бы зимой под какой-нибудь аркой
давно и замёрзла в снегу при луне,
но так получилось, что Божьим подарком
забился под сердцем ребёнок во мне.

Я бросила пить. Я его — доносила.
Сейчас он — в приюте, растёт молодцом.
А в сердце моём появилась вдруг сила
и жар покаяния перед Творцом.

Как раньше гналась я за низкой страстью,
не зная ни чувства греха, ни стыда,
так ныне зовёт меня жажда Причастья
и — искупительного труда!

Хочу, чтобы вырастя из-под опеки,
мой сын себе к Истине путь проложил,
и в Храме, что встанет на эти копейки —

(встряхивает копилкой), —

стал батюшкой юным и Богу служил.

Я верю, что Храму дано возвращенье
в наш мир обновлённый из небытия.
С его возведением — у Бога прощенье,
глядишь, заслужу понемногу и я...

ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ, с копилкой в руках:

Пройдут двадцать лет по планете,
восходы даря по утрам.
И спросят подросшие дети,
кивая на выросший Храм:

«А есть и твоё в том участие,
что ныне здесь — Храм, а не пруд?»
И будет огромное счастье
сказать, что и мой в этом труд!

Обращаясь ко всем СБОРЩИКАМ ДЕНЕГ:

Идёмте, друзья, по столице,
расскажем о деле святом.
Уверена: не поскупится
на Храм возводимый — никто!..

СБОРЩИКИ ДЕНЕГ расходятся. **СТАРИК, ЖЕНЩИНА В ТЁМНОЙ ОДЕЖДЕ** и **ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ** рассредоточиваются по сцене, остальные уходят за кулисы. По сцене в обоих направлениях интенсивно двинулись **ПРОХОЖИЕ**, которые задерживаются возле кого-либо из **СБОРЩИКОВ ДЕНЕГ** и опускают им в ящики деньги.

Возле СТАРИКА останавливается СУТУЛЫЙ ЧИНОВНИК в мятом костюме и шляпе. Бросив деньги в ящик, он начинает ему исповедоваться:

Я в прошлом — секретарь райкома,

был у руля КПСС.

Признаюсь вам, мне незнакома

работа тайная небес.

Не присылала нам отчёты

в райком архангельская рать.

И кто там, как там, где там, что там —

мне было долго наплевать.

Но что-то, видно, упустила

идеология ЦК.

Я понял — есть на небе сила!

Крепка Господняя рука.

И есть там Тот, Кто и генсека,

и президентов выше всех,

Кто видит душу человека,

шлёт нам и кару, и успех.

Мой сын в начале девяностых

подсел с друзьями на иглу,

да так — что скоро б умер просто,

когда б не образ, что в углу

мне мать повесила однажды,

сказав, что к лику на стене —

я припаду, как путник в жажду,

и Он поможет в горе мне.

Тогда я — просто усмехнулся.
Но в дни, когда мой сын горел,
я чуть от горя не свихнулся
и лет на двадцать постарел.

Я видел ясно, что бессильна
вся медицина наша здесь.
И я воззвал: «Спаси мне сына,
и я поверю, что Ты — есть!»

И в тот же день — звонят соседи,
и входит парень молодой.
Он говорит: «Мы завтра едем
в Калугу — за святой водой.

Там монастырь есть. Он зовётся
то ль Опти́н сруб, то ль Опти́н скит,
а в нём родник — кто окунётся,
тот все недуги исцелит».

И сына я собрал в дорогу...
С утра — уехали они...
И там мой сын влюбился в Бога.
Он говорит мне: «Не звони.

Я здесь, в скиту, хочу остаться.
Коль Бог поможет, то пройду
путь от послушника до старца.
А там, в миру — я пропаду!..»

.....

...Сейчас он — инок. Служит Богу.
Стал друг лампадам и свечам.
А я — украдкой, понемногу —
учусь молиться по ночам.

Душа болит, как тело в ранах.
И мысль все дни меня гнетёт:
«А вдруг, и правда — только в храмах
жизнь настоящая идёт?..»

СТАРИК с копилкой:

Повсюду Бог, повсюду жизнь...
Теперь ты — с Истиной... Держись!

**Возле ДЕВУШКИ В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ останавливается ВОИН-АФГАНЕЦ.
Пустой левый рукав его гимнастёрки заправлен за пояс. Правой рукой он выгребает
из кармана горсть мелочи и сыпает её в прорезь ящика.**

АФГАНЕЦ:

Прими, сестричка лепту малую.
Ты, милая, не знаешь слёз.
Пусть жизнь тебя побольше балует,
пусть не целует смерть взасос.

Мне не было только девятнадцать,
когда судьба меня свела
с талибами... Куда деваться?
Вокруг — лишь голая скала!

Из двух камней устроив точку,
я автомат в плечо упёр —
и, как поэмы первой строчку,
послал им очередь в упор.

В испуге «духи» откатились,
а я, сменив поспешно диск,
привстал и, веря в Божью милость,
всадил ещё, забыв про риск!

Потом была ещё атака,
и камни злобно скрёб свинец.
И я стрелял, стрелял... Однако —
всему случается конец.

Я израсходовал все диски...
Достал бумагу, карандаш...
Смотрю — то мамина записка
и текст молитвы «Отче наш»!

Забыв про бой, про злую битву,
я впился в строчек перепляс
и всё шептал, шептал молитву —
второй раз, третий... сотый раз!

Гляжу — душманы бродят рядом,
в глазах смертельный гнев горит,
скользят по мне кровавым взглядом,
а я — как будто чем-то скрыт!

А я — как будто занавешен
от них незримой пеленой...

...Ты не смотри — я не помешан,
то — *Сам Господь* был там со мной.

То *Он* меня закрыл *Собою*,
как беззащитное дитя...

...Так вышел я тогда из боя,
и жизнь, и веру обрета.

**ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ,
с теплотой в голосе:**

Будь счастлив, брат. Господь — с тобой.
Всех ждёт в судьбе такой же бой...

**Возле ЖЕНЩИНЫ В ТЁМНЫХ ОДЕЖДАХ задерживается пожилая,
добродушная москвичка с сумками в обеих руках. Опустив деньги в прорезь её
копилки, она тяжело вздыхает и произносит свою исповедь:**

Я — медсестра, и в палате моей
перележало уж столько людей
с дикими, страшными ранами,
колото-резано-рваными!

Я — медсестра, и ко мне, как на суд,
тысячи жизней дрожащих везут.
Кто-то упал с чердака, как дурак,
ну, а кому-то грызёт тело *рак*.

Сколько народу идёт из Чечни!
Боже мой, руку Свою протяни —

дай им поддержку, опорой им будь,
чтобы нашли они правильный путь.

Я — не хирург. Я всего лишь сестра.
Ни для кого мне не жалко добра.
Ну, а уйдут за больничный порог —
там меня нет с ними, там нужен Бог...

Сколько в авариях бьётся мужчин!
Сколько их гибнет от прочих причин.
Водкою губят себя, табаком,
в пьянках, не помня уже ни о ком...

Сколько девчонок в палатах лежит!
Очаровательных, точно Бриджит!
Та — наркоманка, та СПИДом больна...
Сколько красавиц теряет страна!

Господи! Дай нам опору Свою!
Вот я — как есть, пред Тобою стою.
Пусть вознесётся здесь Храм в высоту,
чтоб весь народ тут молился Христу.

Господи! Ты нас услышь и прости.
И помоги нам Твой Храм возвести.
Чую: едва вознесёт он главу —
и снизойдёт Благодать на Москву...

ЖЕНЩИНА В ТЁМНОЙ ОДЕЖДЕ:

Я для того на земле и живу,
чтоб увидеть этот миг наяву...

Прохожие удаляются, а на сцену «выезжает» синий троллейбус, представляющий собой плоский картонный профиль, который несут на руках находящиеся за ним ПАССАЖИРЫ, глядящие в зал сквозь прорезанные в нём окна.

ПАССАЖИРЫ ТРОЛЛЕЙБЕСА — из окон:

Здесь раньше возвышался Храм,
теперь бассейн блестит, как лужа.
Где Дух сиял — зияет срам.
Нам Храм, как покаянье, нужен!

Как танк, прошёл двадцатый век
из края в край родной России.
Но не согнулся человек,
найдя в себе для жизни силы.

Дойдя почти уже до дна,
дана нам каждому в спасенье
в душе отдушина одна —
то весть о Божьем воскресенье.

И как бы ни давила жизнь,
беда осилить нас не сможет.
Мы говорим себе: «Держись!
Ведь с нами — Бог, Он нам поможет!»

Пусть жизнь открыта всем ветрам,
и бес подьмет своё знамя,
мы восстановим Божий Храм —
и Бог всё время будет с нами.

Все ПАССАЖИРЫ троллейбуса:

Чтоб по утрам и вечерам —
все шли молиться в новый Храм!..

Троллейбус «уезжает» со сцены. На одном её краю появляются СБОРЩИКИ ДЕНЕГ с копилками и плакатами, с другой стороны выходит ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК со своей криминальной свитой. Его слуги быстро подходят к СБОРЩИКАМ, изымают у них собранные за день деньги и передают их своему главарю.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, подставляя в лихорадочном возбуждении огромный мешок:

Скорее, скорее, скорее
ссыпайте все деньги сюда.
Ах, как они сердце мне греют!
Нет вида милей, господа.

Пусть этот поток не прервётся.
Пусть «лохи» батрачат на нас.
Пока кто в правду упрётся...
Пока он во всём разберётся...
Пока он до нас доберётся...
(А каждый из нас — отопрётся!..)
Мы не провороним свой час.

Хватайте судьбы ананас!

Подбрасывает вверх пучок мелких денежных купюр, который разлетается на отдельные яркие бумажки, и свита, яростно отталкивая друг друга, начинает жадно ловить их в воздухе руками.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК тем временем делает несколько шагов по сцене и, не выпуская из рук заветного мешка, приближается к стоящим в отдалении **СБОРЩИКАМ ДЕНЕГ**:

Спасибо, друзья, вы сегодня
внесли свою лепту в почин
создания Храма Господня,
что, как из подводных пучин,

восстанет однажды из праха,
чтоб каждый из нас от грехов
очиститься мог в нём без страха,
до третьих успев петухов.

А тот, кого солнце застанет
с душой, отягчённой грехом,
навечно в минувшем застрянет,
как конь, нося нечисть верхом.

Мы слабые, грешные люди,
и, строя разрушенный храм,
мы с вами тем самым добудем
прощенье всем нашим грехам.

С молитвой душа не стареет,
над нею не властны года...

Поворачивается к застывшей у него за спиной свите, настолько ошеломлённой его проповедью, что никто из них даже не успел убрать подальше пойманные в воздухе рубли, которые все они так и продолжают держать перед собой в зажатых кулаках:

Скорее, скорее, скорее
давайте все деньги сюда!

Он быстро выхватывает купюры из рук своих помощников и суёт их в мешок.

Ах, как они сердце мне греют!
Нет вида милей, господа!..

Из-за кулис появляется синий троллейбус, все быстро в него «салятся» и «уезжают». Удаляются со сцены и СБОРЩИКИ ДЕНЕГ.

За кулисами раздаётся звук подъезжающего автомобиля, взвизгивают тормоза, хлопает дверца, и на сцену выходит ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ.

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ, глядя на бассейн так, как будто на его месте уже возвышается восстановленный Храм Христа Спасителя:

Для меня ничего нет милее,
чем красавица наша Москва,
что, как сахар на блюде белеет,
над которым висит синева.
Я прошёл её всеми путями
от Кремля — к Воробьёвым горам.
Но меня так и тянет, и тянет, и тянет, и тя-я-янет —
на то место, где высился Храм!

Я сюда прихожу не из праздности,
не купальщиц смотреть в неглиже.
Я хочу, чтобы силы и радости
у Москвы стало больше в душе.
Понимаю абсурд в полной мере я,
но хочу это в жизнь воплотить:
чтоб, как ныне идут люди в Мэрию —

завтра к Богу могли приходиться!

Завтра к Богу могли приходиться.

Для меня нет картины дорожке,
чем детишки в московском дворе.
Я люблю Москву в снежной порошке,
в шуме ливня и в летней жаре.
Знаю, сердце вовек не устанет
петь ей гимн по утрам, вечерам.
Но меня так и тянет, и тянет, и тянет, и тя-я-янет —
на то место, где высился Храм!

Я сюда прихожу не из праздности,
не купальщиц смотреть в неглиже.
Я хочу, чтобы силы и радости
у Москвы стало больше в душе.
Понимаю абсурд в полной мере я,
но хочу это в жизнь воплотить:
чтоб, как ныне идут люди в Мэрию —
завтра к Богу могли приходиться!
Завтра к Богу могли приходиться.

По сцене «проезжает» синий троллейбус. Его ПАССАЖИРЫ, узнав ЧЕЛОВЕКА В КЕПКЕ, показывают его друг другу, высовываются из окон и приветливо машут руками.

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ с широкой добродушной улыбкой отвечает им на эти приветствия.

Для меня нет воистину и ближе,
чем родные мои москвичи.
Город с вами и вырос, и выжил,

и не сдал оккупантам ключи.
Ваша слава вовек не увянет,
вашу честь не развеять ветрам.
Но меня так и тянет, и тянет, и тянет, и тя-я-янет —
на то место, где высился Храм!

Я сюда прихожу не из праздности,
не купальщиц смотреть в неглиже.
Я хочу, чтобы силы и радости
у Москвы стало больше в душе.
Понимаю абсурд в полной мере я,
но хочу это в жизнь воплотить:
чтоб, как ныне идут люди в Мэрию —
завтра к Богу могли приходиться!
Завтра к Богу могли приходиться.

Троллейбус едет в другую сторону, в нём находятся другие ПАССАЖИРЫ, они тоже видят МЭРА и радостно машут ему руками. Он отвечает им, после чего ещё раз оценивающе смотрит на место, где располагается бассейн, что-то заносит себе в записную книжку и отходит к краю сцены.

На сцену «выезжает» троллейбус, из него выходят ПАССАЖИРЫ с гитарами в руках и хором поют:

Город любимый — не просто столица,
что внешним видом своим хороша.
В нашу столицу нельзя не влюбиться,
так как она — всей России душа!
Родины нашей — душа!

Как нам Москвой не гордиться
паче Парижей любых?

Наша столица, горя, как жар-птица,
через столетия мчится-стремится,
и всё кружится, кружится, кружится
в высях-веках голубых,
в Божьих руках — и любви!..

Стала Москва всей России порукой,
ты её злом и грехом не порочь,
за её честью — сам князь Долгорукий
пристально смотрит с коня день и ночь!
Смотрит с коня день и ночь.

Как нам Москвой не гордиться
паче Парижей любых?
Наша столица, горя, как жар-птица,
через столетия мчится-стремится,
и всё кружится, кружится, кружится
в высях-веках голубых,
в Божьих руках — и любви!..

Век XXI, как день рассветает,
всюду в столице царит красота,
но как мучительно ей не хватает
Храма, носящего имя Христа!
Храма — во имя Христа.

Как нам Москвой не гордиться
паче Парижей любых?
Наша столица, горя, как жар-птица,
через столетия мчится-стремится,
и всё кружится, кружится, кружится
в высях-веках голубых,

в Божьих руках — и любви!..

Стоя на краю сцены, **ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ** вынимает из кармана мобильный телефон и начинает что-то решительно говорить в трубку. Зрителям слышны только отдельные долетающие фразы, типа: «Срочно передайте Ресину...», «Организуйте бригады...» и — «Сегодня же начинаем работы...», которые вскоре заглушает рёв грузовиков за кулисами, грохот разгружаемых плит, удары по железу, голоса рабочих и другие звуки начинающегося строительства. На сцене появляются **РАБОЧИЕ**, которые устанавливают на месте бассейна строительные «леса» и принимаются за возведение стен **ХХС**, монтируя его из готовых картонных блоков. Таким образом, Храм возводится прямо на глазах у зрителей, поднимаясь всё выше и выше.

Один из рабочих — черноусый **КАВКАЗЕЦ** с большим молотком в руке и в грузинском кепи-аэродроме (или горской папaxe):

Я ездил и строил везде города,
но церква такой нэ видал никагда.
Про церква такая мечтал весь народ —
сюда он детишков сваих прыведёт!

Поднимает лицо кверху и закатывает глаза:

Вах! Вах!
Светится крест в облаках!
Строим мы храм, а не дачу.
Бог нам за это — удачу
каждому скоро пошлёт!

Пританцовывает, жонглируя молотком.

Появляется другой рабочий, **ХОХОЛ** — в украинской рубaxe, с тарасовщевченковскими усами и с двуручной пилой на плече:

У нас на Вкрайини — тэж славлять Хрыста,
е в Києви цэрква — София свята,
хрэсты йийи сяють, як квіты в траві.
Тэпэр ось — и брат будэ йий у Москві!

**Уперев левую руку в бок, а правой придерживая на плече пилу, притоптывает,
полуприседая, ногой:**

Гоп!.. Гоп!..
Будэ, на що хрэстыть лоб!
Серце радие,
душа пломэние,
свитло стае в голови!

**Весело приплясывает, а на сцену тем временем выходит рабочий в
УЗБЕКСКОМ халате, с мастерком в руках и в тюбетейке:**

Моя много строил дома для людей,
моя не читал гнилософских идей,
мечети Аллаху я строил не раз,
для Русского Бога стараюсь сейчас!

Вай! Вай!
Храм, над Москвою — вставай!
Дело святое —
не терпит простоя.
Дело сдружило всех нас!

**На сцене появляется БЕЛОРУС — в широкополой соломенной шляпе, с
рубанком в руках:**

Мы батьку спытали, чи нада и нам
стрэмицца в сталицу, штоб строить там храм,
и батька сказав, шо Масква нам — родня
и надабна ехать, не мэшкав ни дня.

Ёй! Ёй!
Трудимся разом з роднёй!
Храм восстановим,
ляпнину абновим,
няхай калакольни звянят!

ВСЕ ВМЕСТЕ:

Мы разные верой и видом лица,
но здесь собрались мы во славу Творца,
чтоб Храм воссиял над столицей,
как знак нам с небес — породниться!

Да! Да!
Жили мы вместе всегда!
И надо нам дальше
без зла и без фальши
в единой семье находиться.
Нам всем надо — объединиться!

**Поворачиваются к строящемуся Храму, поднимаются на строительные «леса»,
занимаются своими делами.**

**На сцену выбегает ЧЁРТ, смотрит на строящийся Храм и, не в силах
выдержать этого зрелища, заслоняется от него рукой:**

О, Вельзевул, что творится!

Храм поднимается ввысь!
Едут машин вереницы,
слышится скрежет и визг.
Храм, ненавистный нам, строится,
тем — попирается бес!
Может, и впрямь, сама Троица
им помогает с небес?..

Ну как им всё разрушить?
Как ход работ нарушить?
Я голову ломаю день и ночь.
Возьму я сумку с водочкой
и шаткою походочкой
к рабочим подкачу — мол, как?.. не прочь?..

Тут все мою услышат арию
и ужаснётся целый мир,
узнав про пьяную аварию,
что здесь устроит бригадир.
Я напою их всех, и кучею
все упадут с «лесов» в раствор.
Слух о таком несчастном случае
проклятьем ляжет на собор.

Вы хотели здесь славить заветы любви?
А постройте Храм на грехах и крови!
Всё сейчас осквернит здесь попойка.
Выйдет боком вам всем эта стройка!

Найдя подходящее место рядом с возводящимся Храмом, ЧЁРТ вынимает из сумки водку и, показывая её рабочим, начинает делать им приглашающие знаки.

**Но тут из-под потолка со свистом стремительно спускается на качелях АНГЕЛ
Храма Христа Спасителя:**

Эй! А-ну, забирай манатки!
Убирайся отсюда вон!
Я с тобой не играю в прятки,
Шпась стремительно без оглядки,
чтоб стоял реактивный звон!

Этот Храм — не твоя потеха,
это — славы Господней дом.
Говорю тебе не для смеха,
улетай, чтобы только эхо
подгоняло тебя кнутом.

Уходи! Не мешай тут людям!
Им не нужен твой жалкий пир.
Скоро кончатся стройки будни,
и отстроенный Храм всем будет
входом в высший — без смерти — мир.

Прочь, лукавый! Вали в свой ад!
И глуши там свой мерзкий яд!

**Поднимает стоящую на земле бутылку водки и швыряет её вслед медленно
пятящемуся за кулисы ЧЁРТУ. Тот испуганно взвизгивает и убегает.**

**АНГЕЛ, качаясь на качелях и медленно поднимаясь над растущим ввысь
Храмом:**

Не живите, уповая
только на себя самих,

жизнь по капле отдавая
за блаженства краткий миг.
Вы без помощи Господней —
лишь сырьё для преисподней,
где кипят котлы,
полные смолы.

Человек — творенье Бога,
в нём — бессмертная душа.
Надо жить светло и строго,
даже в мыслях не греша.
Вы в постели пьёте кофе,
а Господь ваш — на Голгофе
вновь за вас распят,
сотый раз подряд.

Не живите, прожигая
жизни кратенький лимит.
Мы идём по ней, шагая,
а она сквозь нас — летит!
Слабость, зависть и беспечность —
похищают нашу вечность,
вот и ждёт, дрожа,
смертный час душа.

Нет прекраснее на свете
града стольного Москвы —
смотрят ангелы, как дети,
на неё из синевы.
С колоколен — звон струится,
он плывёт по всей столице,
входит в каждый дом

радостным: «Бом! Бом!..»

С левого края сцены выходит ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК в сопровождении своей свиты. В его руках — два полных мешка денег, на лице играет торжествующая победная улыбка.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК:

Запоминайте, лохи,
как надо жить сейчас.
Иль, скажете, что боги —
заботятся о вас?

Ха-ха! От той заботы —
горбы лишь да гробы.
Они хотят — работы,
их помыслы — грубы.

Не важно, кто кумир вам —
Аллах или Христос,
он правит, правит миром,
а в том — всё больше слёз!

Течёт судьба рекою,
кто скажет ей: «Свершись!»
Лишь собственной рукою
мы строим нашу жизнь.

Плевать на сантименты,
мораль и совесть — хлам!
Решительно моменты
ловите тут и там.

Ищите деньги, деньги,
тащите их к себе.

Для счастья и потехи
они нужны в судьбе.

Когда их много-много
(о, как я их люблю!),
тогда я вам у Бога
и нимб Его куплю!

С красотками на яхте
помчу я по волнам...

В сторону зала:

А вы — пашите в шахте
и выполняйте план!

Поднимает над головой пухлые мешки с купюрами:

Вот мой добыток скромный!
Но я всё рассчитал:
сдам под процент огромный —
и будет капитал!

Коль кто и впрямь поверил,
что всё — ради Москвы,
тот идиот, наверно,
совсем без головы!

Простите, не простите ли,

люблю я простаков!
Ваш Храм Христа Спасителя —
приют для дураков!

Доволен я итогами.
Я нынче смог постичь,
что, проживая с лохами,
должны мы лохов стричь!

Всё, что добыл — до цента
я положу на счёт.
Пускай бегут процентики —
ещё, ещё, ещё...

Трогается с места, продолжая напевать:

Ещё, ещё, ещё...
Ещё, ещё, ещё...
Ещё, ещё, ещё...

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК в сопровождении своих подручных проходит через сцену и исчезает за кулисами, а на его место выходят обескураженные **СБОРЩИКИ ДЕНЕГ**.

ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ:

О, что же делать?
Всё оказалось лишь обманом!
И столько денег
мы подарили шарлатанам!

Как щедро люди

рубли давали нам от сердца,
а мы — на блюде! —
злодеям отдали все средства.

СТАРИК:

Кто мог представить,
что сборы денег в переходе,
то лишь — подстава,
чтоб заработать на народе!

ЖЕНЩИНА В ТЁМНОЙ ОДЕЖДЕ:

Все сборы наши
мы отдавали «бригадирам».
Ну, как докажем
свою мы честность перед миром?

ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ:

Я так хотела
к постройке Храма быть причастной,
но злое дело
меня вдруг сделало несчастной...

ВОИН-АФГАНЕЦ, проходя мимо, останавливается и заговаривает с ней:

А ну-ка поведай, сестрёнка,
откуда на щёчке слеза?
Давай отойдём мы в сторонку,
чтоб ты могла всё рассказать.

Отводит её на два-три шага от СБОРЩИКОВ ДЕНЕГ.

Так ты говоришь, с чистым сердцем
и утром, и по вечерам
в Москве собирали вы средства
на то, чтобы вырос тут Храм?

Для этой великой идеи
работали вы каждый день,
но вас обхитрили злодеи,
на вас бросив подлую тень.

Не бойся, сестрёнка, я чести
твоей запятнаться не дам.
Пойдём и запишемся вместе
в бригаду, что строит тут Храм.

Причастною быть ты хотела
к постройке его. Так идём!
Нас ждёт настоящее дело,
давай причастимся трудом!

Скорей причастимся трудом!

Подходят к работающим ХОХЛУ, БЕЛОРУСУ и другим СТРОИТЕЛЯМ, о чём-то с ними разговаривают (зрителям слышны только отдельные слова: «Да вы не волнуйтесь...», «Мы сумеем...», «Ну, пожалуйста...»), рабочие сначала не соглашаются, показывая на пустой рукав афганца, затем один из них машет рукой и говорит: «Ну, ладно!..»

От этих слов ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ и ВОИН-АФГАНЕЦ радостно кричат: «Ур-ра-а!» и бросаются друг другу в объятия.

Из-под потолка спускается АНГЕЛ и, качаясь над ними на качелях, поёт:

Любите друг друга!
Безумно и строго.
До жара в сознание.
До студа в крови.
Без этой любви —
не познаете Бога,
а, Бога не зная,
не взыщешь любви.

Не взыщешь...

Любите друг друга!
Тогда, когда — рядом.
Любите друг друга,
когда вы — одни.
Когда друг до друга
ни словом, ни взглядом
нельзя дотянуться
сквозь дали и дни.

Сквозь дали...

Любите друг друга!
Когда только фото
лежит перед вами
посланием судьбы.
Так молятся Богу —
на лики в киотах,
и Бог отвечает
на эти мольбы.

Он — слышит....

Любите друг друга!
И Бог — будет с вами.
Он там, где от счастья
поджилки дрожат.
Он там, где о чувствах
не скажешь словами,
и хочется к сердцу
всю Землю прижать.

Всю Землю...

ВОИН-АФГАНЕЦ и ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ наконец-то разнимают объятия и, то и дело поглядывая друг на друга, начинают помогать **СТРОИТЕЛЯМ**, подавая на «леса» кирпичи, доски и другие материалы. Афганцу непросто управляться одной рукой, но девушка, как только видит, что ему трудно, тут же подходит и помогает.

АФГАНЕЦ:

Над землёю плывут облака.
Далека их стезя. Нелегка.
То под солнцем плывут, то во мгле,
то дождём шелестят по земле.

Над землёю плывут облака,
будто гонит их чья-то рука.
Над Смоленском плывут, над Невой,
над моею любимой Москвой.

Над землёю плывут облака
из неведомого далека.
И глядит с высоты, чуть дыша,
в каждом облаке чья-то душа...

Так когда-то и я поплыву
в ослепительную синеву,
где сливаются души навек,
будто сотни впадающих рек.

Так когда-то, смеясь и звеня,
океан этот примет меня,
дав возможность душе без преград
плыть над миром столетья подряд.

Ах, как сладко смотреть с высоты
на деревья, поля и цветы,
слышать радостный гул голосов,
видеть буйные гривы лесов!

Только нужен ли он, не пойму,
этот сказочный рай — одному?
Коль я в небе тебя не найду —
будет хуже мне там, чем в аду.

Позови! Я узнаю тебя,
чтобы плыть нам сквозь вечность, любя,
вместе плыть через свет, через мрак —
дай мне знак,
дай мне знак,
дай мне знак...

ДЕВУШКА В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ подходит к нему, нежно гладит по голове, затем прижимается к его широкой груди.

За кулисами раздаётся звук нескольких подъехавших автомобилей, слышно, как хлопают автомобильные дверцы, раздаются чьи-то голоса. Через минуту на сцене появляется **ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ** в окружении своих заместителей и помощников, он что-то разъясняет им, показывая рукой на почти готовый Храм, на котором не хватает только главного золотого купола.

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

Наш Храм растёт! Он вытянулся в росте —
до куполов, до золотых голов!
Он близок нам. Мы тут — совсем не гости.
Мы любим дело больше громких слов.

ОКРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КЕПКЕ:

Мы любим дело больше громких слов!

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

Я рад, что дух труда и созиданья
здесь столько наций свёл в одну семью.
Мы строим здесь не культовое здание —
мы возрождаем совесть тут свою!

ЕГО ОКРУЖЕНИЕ:

Мы возрождаем совесть тут свою!

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

Мы сквозь судьбу не ломимся тараном.
Дров наломав, почёт не обретёшь.
Москва полна вниманья к ветеранам,
её заботу видит молодёжь.

ЕГО ОКРУЖЕНИЕ:

Москве нужна сегодня молодёжь!

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

Москва всегда была гостеприимной,
открытой людям всех цветов и рас.
Пусть эту славу в прошлом обрели мы —
она для нас реальна и сейчас.

ЕГО ОКРУЖЕНИЕ:

Москва для всех открыта и сейчас!

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

Сейчас весь мир — в бурлении великом,
все люди ищут лучшие места.
Мы все — различны. Но равны пред ликом
за нас
с креста
молящего Христа!

ЕГО ОКРУЖЕНИЕ:

Мы все равны перед лицом Христа!..

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ подходит к работающим, жмёт руку **УКРАИНЦУ, БЕЛОРУСУ, УЗБЕКУ, ГРУЗИНУ**, кладёт руки на плечи **ВОИНУ-АФГАНЦУ** и **ДЕВУШКЕ В БЕЛОЙ КОСЫНКЕ**, что-то говорит им с улыбкой, как будто благословляет их союз.

В это время сверху на практически завершённый Храм опускается главный золотой купол со сверкающим крестом. Рабочие устанавливают и закрепляют его на Храме, им помогает в этом спустившийся из-под потолка **АНГЕЛ ХРАМА**.

На сцену выезжает синий троллейбус, из которого выходят все его **ПАССАЖИРЫ** с гитарами.

ПАССАЖИРЫ:

Смотрите — как радостно просинь
простёрла над миром крыла!..
Давайте у Бога попросим,
чтоб жизнь эта — вечной была.

В тоске расшибаются оземь
последние листья в саду...
Давайте у Бога попросим,
чтоб Он — отодвинул беду.

С листвой и надежды уносит
по стылой тропе октябрей.
Давайте у Бога попросим,
чтоб мир этот — был чуть добрей.

О счастье мечты в себе носим,
а ходим по горло в крови.

Давайте у Бога попросим,
чтоб дал Он побольше любви.

Коль душу мы не отморозим
в гуденье январской пурги,
давайте у Бога попросим
прощенья за наши грехи.

Когда же всё зло с себя сбросим
и тем побеждён будет бес,
давайте у Бога попросим,
чтоб Он — улыбнулся с небес...

Из-за кулис к ним подходят СБОРЩИКИ ДЕНЕГ, появляются также СУТУЛЫЙ ЧИНОВНИК и ПОЖИЛАЯ МОСКВИЧКА С СУМКАМИ. Все группируются вокруг стоящего на храмовом крыльце ЧЕЛОВЕКА В КЕПКЕ и его ОКРУЖЕНИЯ. В руках у них появляются зажжённые свечи. Наступает тишина, откуда-то из-за сцены слышно позвякивание паникадила, ощутимо пахнет ладаном...

В эту минуту на краю сцены появляется ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК в изрядно потрёпанном костюме, с пустыми мешками в руках и очень обескураженным видом. Вокруг него — явно разозлённые подручные.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК:

Я — моряк криминального флота!
Не боюсь ни воды, ни болота!
Ни сибирских метелей, ни вьюг.
Меня трудно поймать на испуг!
Но попал под дубину дефолта —
и фуфлом ощутил себя вдруг.

ОДИН ИЗ ЕГО ДРУЖКОВ:

Ты нарвался на лажу дефолта
и подставил всех тех, кто вокруг!

**Отвешивает ему яростный подзатыльник, от которого ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
едва удерживается на ногах.**

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК:

Я питал отвращенье к работам.
Я их все оставлял идиотам.
Ну, а сам, глядя вдаль на сто миль,
всё искал среди людей простофиль —
чтобы их облапошить в два счёта
и устроить себе водевиль!

ДРУГОЙ ИЗ ЕГО БЫВШИХ СОРАТНИКОВ:

Мы тебя окружили почётом,
а ты деньги пустил наши в пыль!

**Даёт ему под зад коленом, так что ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК чуть не падает на
землю.**

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, восстановив равновесие:

Обойдя кучу норм и законов,
целых сто пятьдесят миллионов
мы слупили, шутя, с москвичей,
обещая сто дней и ночей

строить им новый Храм для поклонов
и горящих в честь Бога свечей.

Ещё один БАНДЮК ИЗ ЕГО СВИТЫ:

Лучше б мыла купил сто вагонов
или сто золотых кирпичей!

**Со злостью толкает его в спину, от чего ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК снова
взмахивает руками и чуть не падает.**

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК:

В мире зла так идёт изначально:
если ты срубишь бабки случайно —
будешь фраер тотчас и король.
Но порою всё много печальней —
дышат в спину менты за плечами
и фортуна горит, как мозоль...

КТО-ТО ИЗ ЕГО ШАЙКИ:

Не умеешь работать ночами —
значит, выбери дворника роль!

**Даёт ему такого размашистого тумака, что ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК падает на
землю. Уголовники со злостью плюют в его сторону и, развернувшись, уходят за
кулисы.**

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, стоя на карачках, жалким голосом:

Ход событий не выдумать хуже!

Точно пёс я лежу среди лужи,
лишь осталось завыть на луну.
Где очаг мой? Где сытный мой ужин?
Никому я на свете не нужен.
В море жизни иду я ко дну...

СТАРИК и ЖЕНЩИНА В ТЁМНОЙ ОДЕЖДЕ отделяются от основной группы и, подойдя к **ЧЁРНОМУ ЧЕЛОВЕКУ**, помогают ему подняться.

СТАРИК:

Поднимайся... Ведь ты не контужен...
Обопрись на плечо моё... Ну?..

ЖЕНЩИНА В ТЁМНОМ:

Слышишь, колокол стонет натужно?
Повинись. Бог отпустит вину.

Из-за сцены доносятся мягкие раскаты колокольного звона, все осеняют себя крестным знамением и, глядя на них, **ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК** с невероятным усилием складывает непослушные персты в щепоть и тоже медленно подносит её себе ко лбу, животу, правому плечу, левому...

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК:

Как трудно грех свой побороть,
признав, что ты слугой был лешему.
Прости мне жизнь мою, Господь,
беспутную и многогрешную...
Я отвергаю участь прежнюю!

СТАРИК и ЖЕНЩИНА В ТЁМНОЙ ОДЕЖДЕ:

Прости, Господь, его! Прости!

Дай силы — веру обрести!

Они приближаются ко всем, стоящим на крыльце Храма людям, и те тоже дают ему зажжённую свечку.

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

На весь мир гордо

я скажу вам:

это — наш город,

это — наш Храм.

В высоту небес вырвась,

льётся правды свет с креста.

Над Москвой — вырос

Храм Спасителя Христа!

ВСЕ ВМЕСТЕ (кроме ЧЁРНОГО ЧЕЛОВЕКА, который стоит, закрыв лицо рукой):

Не мечта — Храм Христа,

заходи, удостоверься.

Мир спасает красота,

как учил нас Достоевский.

Приходи сюда и поклонись,

о России тихо помолись,

этот Храм — не просто дом молитвы —

это наша вера, наша жизнь.

За него душой своей держись!

ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ:

Я скажу прямо
всем, кто вокруг:
возводя храмы,
мы растим — дух!
Хлещут Землю лет плети,
давит спину век пластом.
Пусть нашей Москвы дети
входят в эту жизнь — с крестом!

ВСЕ ВМЕСТЕ:

Не мечта — Храм Христа,
заходи, удостоверься.
Мир спасает красота,
как учил нас Достоевский.
Приходи сюда и поклонись,
о России тихо помолись,
этот Храм — не просто дом молитвы —
это наша вера, наша жизнь.
За него душой своей держись!

Следующий куплет тоже поют ХОРОМ:

Нас Москва — вместе
собрала здесь,
дав нам свет чести,
а не лжи спесь.
Не впусти в себя скверну,
вспомни всех святых Руси.
Время возрождать веру.

Господи, страну — спаси!

Не мечта — Храм Христа,
заходи, удостоверься.
Мир спасает красота,
как учил нас Достоевский.

Приходи сюда и поклонись,
о России тихо помолись,
этот Храм — не просто дом молитвы —
это наша вера, наша жизнь.
За него душой своей держись!

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, отнимая руку от лица:

В стане сатаны — не окажись...

Распрямляет плечи и выходит на передний план:

Являясь в мир с ладоней Божьих,
душа оказывается вдруг
окружена такою ложью,
что не понять, где враг, где друг.

Что не узнать, кто агрессивен,
а кто несёт и свет, и лад...
Все нынче строят рай в России,
но как же он похож на ад!

Повсюду речи, речи, речи,
и в них любовь, любовь, любовь.
А оглянёшься — чуть не речкой
вокруг людская льётся кровь.

Объяло всех непониманье,
утрачен вечной правды свет.
Лежит страна глухонемая –
ни до чего ей дела нет.

Век вновь и вновь трубит: «По коням!» –
а душу гложет всё сильнее
тоска по Божеским ладоням,
где так покойно было ей...

Где так покойно было ей...

Из-за кулис доносится песнопение и голоса начинающейся службы.

ГОЛОС ДИАКОНА: О святем Храме сем и с верою, благоговением и страхом
Божиим входящих в оны, Господу помолимся!

ХОР: Господи, помилу-у-уй...

Все на крыльце крестятся.

ГОЛОС ДИАКОНА: О граде сем, всяком граде, стране и верою живущих в них,
Господу помолимся!

ХОР: Господи, помилу-у-уй...

Все крестятся.

ГОЛОС ДИАКОНА: О Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея,
Господу помолимся!

ХОР: Господи, помилу-у-уй...

Все крестятся.

Открываются двери Храма и на крыльцо выходят двое юношей в белых одеждах, держащие на полотенце большую икону Христа Спасителя.

Все, кто стоит на крыльце, осеняют себя крестом и, обращаясь к лику Спасителя, поют:

Не познать Тебя с помощью книг —
Ты начало всего и основа,
Ты Отец Ипостасного Слова
и Всесильного Духа родник.

Видя грех наш и множество дел,
совершённых во власти пороков,
человечество Ты не презрел,
а спасаешь по слову пророков.

Ты нам дал и Закон, и Завет,
в жертву Сына принёс нам в спасенье —
чтобы вера в Его Воскресенье
озарила собою весь свет.

Как нам ночь этой жизни пройти,
не утратив ни зренья, ни слуха,
чтоб коснулся и нас голос Духа
и во тьме подсказал нам пути?

Чтобы в час, когда Ты как Судья
в мир сойдёшь совершать воздаянье,
мы не спали, творя покаянье,

на прощенье надежду тая.

Будет миг этот грозно-велик,
но сквозь страх нам откроется радость
испытать неизбывную сладость —
лицезреть триединый Твой лик...

Дай нам зреть триединый Твой лик...

Пение затихает, доносится слабый удар колокола, освещение полностью меркнет, и только в руках у стоящих на сцене актёров горят маленькие огонёчки свечей.

К о н е ц